

-
1842 г. Лето. Средиземное море.

Мягкие волны накатывали друг на друга под лучами палящего солнца.

Рассекая их и разбрасывая мерцающие брызги, по водной глади шёл корабль.

Его едва ли можно было назвать роскошным, но в этом парусном судне чувствовалась некая сила и изящность. Стоявший на палубе мужчина произнёс:

- ...Что это за остров вон там?

Взгляд его замер на силуэте вдалеке. Несмотря на то, что остров обладал красивой формой и плавными очертаниями, он представлял собой бесплодные просторы желтовато-коричневых скал вперемешку со следами бледно-зелёной растительности.

- А, этот... Там ничего нет, месье. Просто пустынный остров.

- Да? – с интересом откликнулся мужчина на ответ стоявшего рядом члена команды. – Там никто не живёт? Кажется, я вижу какое-то строение.

- Что? А... ну, я ничего об этом не знаю. Мы никогда здесь не задерживались, да и зачем?.. Но Вы правы. Интересно, что же это.

Матрос вернулся к своим обязанностям с недоумением во взгляде. Его место занял другой человек с кружкой в руке.

- В чём дело, брат? Влюбился в этот остров, что ли? – это был хорошо одетый и крепко сбитый юноша с плавными чертами лица, но в его глазах как будто мерцал огонь внушительного интеллекта. – Разве ты не знаешь, что не стоит влюбляться в острова и океаны? Это страшные женщины – особенно когда голодные, настоящий ужас. Оставят тебя без франка в кармане, только дай им шанс. Впрочем, женщины ли? Может, они и мужчины.

Юноша пожал плечами. Мужчина, который смотрел на остров, покачал головой.

- ...В день нашего знакомства я был «другом», затем стал «дорогим другом», когда мы поднялись на борт. Теперь же на обратном пути ты называешь меня «братом», *принц*? Если бы тебя кто услышал, меня бы побили камнями за *lèse-majesté* (фр. «оскорбление величества» - прим. перев.).

- Что за чушь. Если кто-то дороже мне любого друга, но при этом не является объектом моих романтических чувств, то мне ничего не остаётся, кроме как считать этого человека своей плотью и кровью.

«Принц» глотнул жидкости из своей кружки и расплылся в широкой улыбке.

- Кроме того, тебя подобные формальности всё равно никогда не волновали.

- Ну, мы можем пообщаться на эту тему в более приятной, прозаической форме. Что скажешь, обменяемся письмами?

- Знаешь, люди по-настоящему уважают вовсе не меня. А таких, как ты... тех, кто дарит им радость. Я, по крайней мере, не могу так радовать людей, как это делает твоя пьеса «Алхимик» или роман «Шевалье д'Арманталь». Они вышли из-под твоего

пера – самого Александра Дюма. Твоя репутация едва ли пострадает, если тебя будет называть братом *племянник бывшего императора*.

Мужчина, которого только что столь чрезмерно похвалили – Александр Дюма – криво улыбнулся юноше и покачал головой.

- Будь я проклят. Не думал, что меня будет восхвалять прославленный племянник Его Императорского Величества Наполеона Бонапарта. Я, конечно, польщён, но мне не хотелось бы провести остатки жизни под домашним арестом на этом острове.

Юноша, к которому обращался Дюма – Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт – весело улыбнулся как раз в тот момент, когда корабль покачнулся.

Он был племянником императора Франции Наполеона I и двоюродным братом Наполеона III. Из-за того, что его отец Жером был королём Вестфалии, девятнадцатилетнего юнца называли либо принцем, либо его прозвищем «Плон—Плон».

С Дюма, который на тот момент уже был автором нескольких нашумевших произведений, он познакомился, когда писатель путешествовал по Италии, и по совету Жерома они вместе отправились на Эльбу. На этом острове, где когда-то коротал свои дни ссылки дядя Жозефа, Наполеон I, они вдоволь насладились охотой и теперь плыли обратно на корабле, который качали из стороны в сторону волны.

- Кстати, брат... - Жозеф с победной улыбкой повернулся к Дюма, который был на двадцать лет старше него. – У тебя какая-то нелюбовь к моему дяде?

На это Дюма лишь пожал плечами.

- Ха-ха! Да какие претензии могут быть у *меня* к великому Наполеону, императору Франции?

- Я слышал, что мой дядя крайне холодно обошёлся с твоим отцом. И даже отказал твоей матери в получении пособия.

- Перестань... всё это уже в прошлом. Да, я довольно долго жил практически в нищете, и маме моей тоже было несладко из-за этого. Думаю, у меня есть полное право дать ему по роже за то, что ей пришлось пережить, но...

Подумав мгновение, Дюма медленно продолжил, глядя на остров:

- Я ведь не рассказывал тебе... о том, как встретился с твоим дядей и поговорил с ним?

- Нет, впервые об этом слышу.

- Всё произошло, когда мне и тринадцати ещё не было. Он устроил парад победы, и я пошёл посмотреть на виновника торжества...

Здесь он замолк на секунду, и корабль резко накренился.

- ...с пистолетом, который был спрятан в нагрудном кармане.

Эти слова, сказанные в перерыве между ударами волн о корпус корабля, по силе воздействия были равносильны реплике из пьесы. Однако Жозеф выслушал их в полном молчании.

- Я намеревался вызвать его на дуэль. Бросить перчатку в его экипаж. Его Императорское Величество оскорбил моего старика и маму – это должно было дать мне право выбрать оружие.

- Но мой дядя не погиб на том параде, да и сам великий писатель сейчас стоит прямо передо мной, живой и здоровый.

- Ага. Я шёл вперёд, в то время как толпа вокруг меня кричала «*vive l'empereur*». (Фр. «Да здравствует император», - прим. перев.) Должно быть, я был похож на призрака. Через щель в экипаже я на мгновение увидел бледное лицо. Он был лишь маленьким человеком, изнурённым битвой. Всё было просто – мне нужно было лишь бросить ему вызов. Швырнуть перчатку в лицо. Я был уверен, что после этого он прикажет солдатам расстрелять меня или прогнать прочь. Но это означало бы отказ от дуэли. Он заслуживал того, чтобы народ насмеялся над ним, императором, который убежал от дуэли, словно какой-то ребёнок! ...Спустя мгновение нищий сопляк, упиваясь этими мыслями даже сильнее, чем видом императорского лица, достал перчатку. И как думаешь, что он с ней сделал?

Дюма рассказывал о своём прошлом ритмично, в унисон покачиванию корабля, отчётливым и звучным голосом актёра, говорившего свои реплики.

- ...Он помахал ею. Поднял перчатку, которую хотел бросить, высоко над головой и сам не заметил, как тоже начал кричать «*vive l'empereur*» вместе с толпой. Да, принц. Твой дядя был героем, но при этом его многие ненавидели. Уверен, не только я хотел бросить перчатку ему в лицо. Также я готов поспорить, что в толпе было много тех, кто хотел просто всадить пулю в его экипаж без всяких дуэлей. Но все они кричали слова поздравления бледному, усталому человечку. Почему? Не знаю, но император был мечтой этих людей. Их идолом. Осознав это, я больше не мог бросить ему вызов. Хороший солдат может с холодной головой и таким же холодным сердцем навести оружие на человека, которым восхищается, но я не солдат. Он заставил меня это понять, и именно поэтому я сейчас сражаюсь с пером в руке вместо оружия.

Подведя итог длинной и изначально мрачной истории беззаботным тоном, Дюма подмигнул и улыбнулся своему другу, который был младше него на двадцать лет.

- Как тебе история, рассказанная таким образом, принц?

- Ты это специально, брат?

- Кто знает? Скажу я «да» или «нет», неважно, ведь если человек захочет, чтобы всё было именно так, его вряд ли переубедишь. Правда меркнет перед лицом занимательной лжи. Иначе говоря, даже если тебе достался гнилой кусок мяса под названием «правда», который как ни вари, ни жарь, не годится для употребления, его, тем не менее, можно сделать более приятным на вкус, помариновав несколько лет в соку истории и приправив знатной щепоткой лжи.

Теперь голос Дюма был гораздо веселее, чем когда он рассказывал о своём прошлом. Джозеф был явно возмущён, однако всё равно продолжил давить на него:

- Но теперь, после услышанного, я хочу узнать, каков здесь кусок мяса на самом деле, брат.

- В данном случае «правда» в том, что, ну... я больше не питаю ненависти к Наполеону I и его родне. Если я добавляю к этому истории вроде той, что ты только

что услышал, то уже едва ли важно, правдивы они или же чистой воды выдумка, не так ли?

- Вот как. Значит, в твоих глазах, даже пустынный остров – ингредиент, достойный места на обеденном столе. И всё же из всех пустынных островов чем тебя заинтересовал именно этот? У тебя с ним, часом, *не связана какая-нибудь история?* – спросил Жозеф с хриплым смешком.

- Предчувствие, – пожал плечами Дюма. – Просто предчувствие.

- Вот как, значит? Полагаю, в твоём деле это многое значит.

- Я заметил этот остров во время путешествия с родственником Его Императорского Величества. Я просто подумал, мол, почему бы не прославить его в память о нашей встрече?

Услышав это, племянник императора Франции повернулся в сторону острова и с легкомысленностью ребёнка произнёс тоном, полным энтузиазма:

- Да, я тоже думаю, что в этом острове есть что-то такое. Несколько лет назад до меня даже дошли слухи о человеке с таким же именем. И только между нами... тайная сторона церкви даже сделала пару странных ходов. **(Возможно, это как-то связано с тем, что название острова переводится как «Гора Христа», - прим. перев.)**

- Тайная... сторона церкви?

- А забудь. Церковь даже моему отцу не раскрыла все свои секреты, а ведь он был королём. Как бы то ни было, вокруг этого острова уже давненько витают всякие сказки и байки о сокровищах. Городские дети, рыбаки, искатели приключений, религиозные фанатики... поскольку на этом острове ничего нет, самые разные люди могут внушать себе, что именно там таится то, о чём они мечтают больше всего. Но при этом почти никто не пытается броситься на поиски, опасаясь, что там действительно ничего нет.

- Эй, ты что пытаешься отнять у меня хлеб? Рассказывать историю об этом острове – моя работа. Скажи мне только, как он называется, брат.

Жозеф, довольный тем, что его тоже назвали «братом», произнёс название. Его глаза уже горели в предвкушении романа, который Дюма напишет об этом острове.

- Он зовётся Монтекресто! Остров безграничных возможностей, потому что на нём ничего нет.